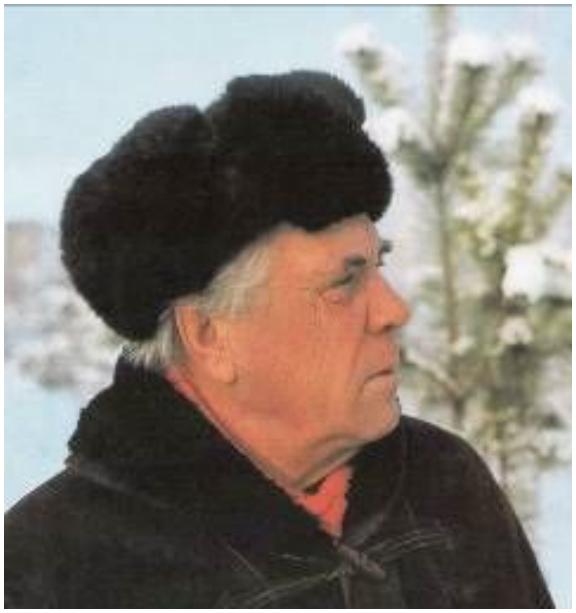
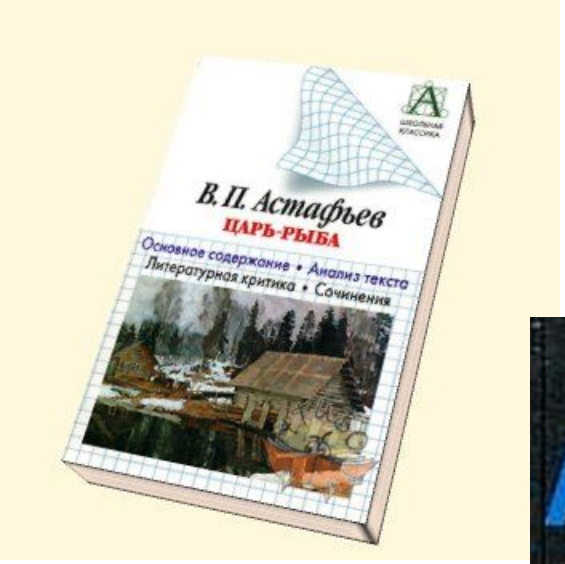
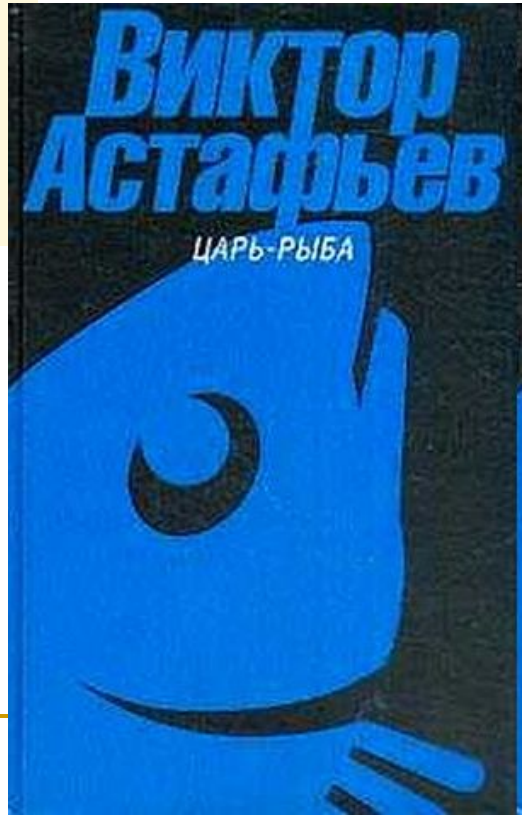
В.П.Астафьев. «Царь - рыба»







Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

Николай Рубцов

Если мы будем себя вести как следует, то мы, растения и животные, будем существовать в течение миллиардов лет, потому что на солнце есть большие запасы топлива и его расход прекрасно регулируется.

Халдор Шепли

Царь – рыба (краткое содержание)

Игнатьич — главный герой новеллы. Этого человека уважают односельчане за то, что он всегда рад помочь советом и делом, за сноровку в ловле рыбы, за ум и сметливость. Это самый зажиточный человек в селе, все делает «ладно» и разумно. Нередко он помогает людям, но в его поступках нет искренности. Не складываются у героя новеллы добрые отношения и со своим братом.

В селе Игнатьич известен как самый удачливый и умелый рыбак. Чувствуется, что он в избытке обладает рыбацким чутьем, опытом предков и собственным, обретенным за долгие годы. Свои навыки Игнатьич часто использует во вред природе и людям, так как занимается браконьерством. Истребляя рыбу без счета, нанося природным богатствам реки непоправимый урон, он сознает незаконност и неблаговидность своих поступков, боится «сраму», который может его постигнуть, если браконьера в темноте подкараулит лодка рыбнадзора. Заставляла же Игнатьича ловить рыбы больше, чем ему было нужно, жадность, жажда наживы любой ценой.

Это и сыграло для него роковую роль при встрече с царь-рыбой.

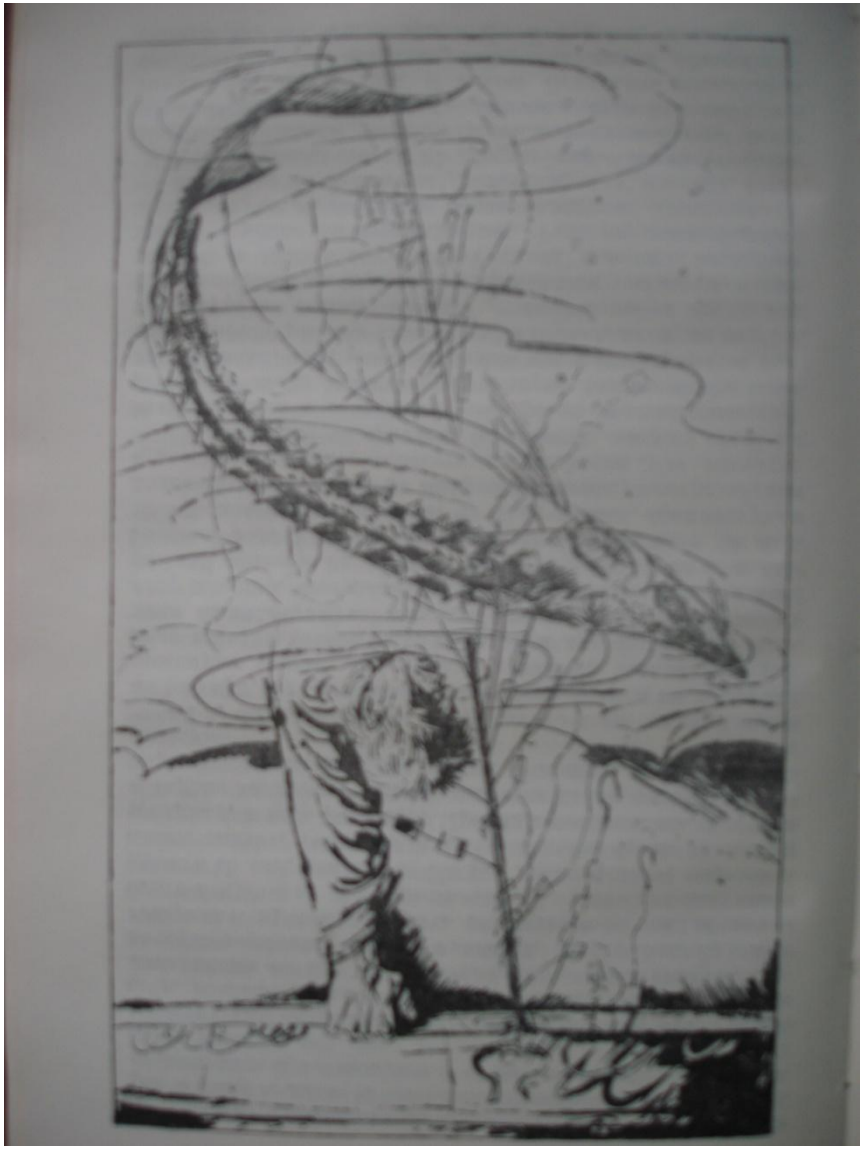
- **Рыба походила на «доисторического ящера», «глазки без век, без ресниц, голые, глядящие со змеиной холодностью, чего-то таили в себе». Игнатьича поражают размеры осетра, выросшего на одних «козявках» и «вьюнцах», он с удивлением называет его «загадкой природы».**
- **С самого начала, с того момента, как увидел Игнатьич царь-рыбу, что-то «зловещее» показалось ему в ней, и позже понял, что «одному не совладать с этаким чудищем». Желание позвать на подмогу брата с механиком вытеснила всепоглощающая жадность: «Делить осетра?.. В осетре икры ведра два, если не больше. Икру тоже на троих?!» Игнатьич в эту минуту даже сам устыдился своих чувств.**
- **Но через некоторое время «жадность он почел азартом», а желание поймать осетра оказалось сильнее голоса разума. Кроме жажды наживы, была ещё одна причина, заставившая Игнатьича помериться силами с таинственным существом. Это удаль рыбацкая. «А-а, была не была! — подумал главный герой новеллы. — Царь-рыба попадается раз в жизни, да и то не «всякому Якову».**

- **Отбросив сомнения, «удало, со всего маху Игнатьич жахнул обухом топора в лоб царь-рыбу…». Вскоре незадачливый рыбак оказался в воде, опутанный своими же удами с крючками, впившимися в тела Игнатьича и рыбы.**

- **«Реки царь и всей природы царь — на одной ловушке», — пишет автор. Тогда и понял рыбак, что огромный осетр «не по руке ему». Да он и знал это с самого начала их борьбы, но «из-за этакой гады забылся в человеке человек». Игнатьич и царь-рыба «повязались одной долей». Их обоих ждет смерть.**

- **Страстное желание жить заставляет человека рваться с крючков, в отчаянии он даже заговаривает с осетром. «Ну что тебе!.. Я брата жду, а ты кого?» — молит Игнатьич. Жажда жизни толкает героя и да то, чтобы перебороть собственную гордыню. Он кричит: «Бра-ате-ельни-и-и-ик!..» Игнатьич чувствует, что погибает.**

- Рыба «плотно и бережно жалась к нему толстым и нежным брюхом». Герой новеллы испытал суеверный ужас от этой почти женской ласковости холодной рыбы. Он понял: осетр жмется к нему потому, что их обоих ждет смерть. В этот момент человек начинает вспоминать свое детство, юность, зрелость.



- Кроме приятных воспоминаний, приходят мысли о том, что его неудачи в жизни были связаны с браконьерством. Игнатьич начинает понимать, что зверский лов рыбы всегда будет лежать на его совести тяжелым грузом. Вспомнился герою новеллы и старый дед, наставлявший молодых рыбаков: «А ежли у вас, робяты, за душой што есть, тяжкий грех, срам какой, варначество — не вяжитесь с царью-рыбой, попадется коды — отпушшайте сразу». Слова деда и заставляют астафьевского героя задуматься над своим прошлым.
- Какой же грех совершил Игнатьич? Оказалось, что тяжкая вина лежит на совести рыбака. Надругавшись над чувством невесты, он совершил проступок, не имеющий оправдания. Игнатьич понял, что этот случай с царь-рыбой — наказание за его дурные поступки. Обращаясь к Богу, Игнатьич просит: «Господи! Да разведи ты нас! Отпусти эту тварь на волю! Не по руке она мне!» Он просит прощения у девушки, которую когда-то обидел: «Прос-сти-итеееe… её-еээээ… Гла-а-аша-а-а, прости-и-и».
- После этого царь-рыба освобождается от крюков и уплывает в родную стихию, унося в теле «десятки смертельных уд».

- Игнатьичу сразу становится легче: телу — оттого что рыба не висела на нем мертвым грузом, душе — оттого что природа простила его, дала ещё один шанс на искупление всех грехов и начало новой жизни.

У Золотой карги

У ЗОЛОТОЙ КАРГИ

Верстах в шести выше речки Онарихи в Енисей впадает еще более беснова-тая, светлая и рыбная речка Сурниха, на которой когда-то и ограбили Колю с Акимом желны, сожрав у них червяков.

По водоразделу Сурнихи оканчивается горный перевал. Издалека видно бо-ристую гербину осередыша. Она круто обрезана водой, как бы даже отшатнулась от Енисея, вздыбилась, свали-лась осыпным каменным мысом в Сурниху.

Закончившись на виду, перевал продолжается в воде, под ее толщей. Бурливо, раскатисто над ним течение Енисея. Подводные гряды здешние рыбаки называют каргами, на них и в них застревает много кламу, в хламе и камнях лепится всякая водяная козявка, ручейник, жук-водоплав и особенно много мормыша — любимой пищи осетра, стерляди да и всякой другой водяной твари.

От Сурнихи до Онарихи в киже их по течению дер-жится крапная рыба, и поэтому в устье этих речек посто-янно вьются чужанские браконьеры, которые слово это кулительным не считают, даже наоборот, охотно им пользуются, заменив привычное слово — рыбак. Долж-но быть, в чужом, инородном слове чудится людям ка-кая-то таинственность и разжигает она в душе позыв на дела тоже таинственные и рисковые, и вообще развива-ет сметку, углубляет уметвенность и характер.

Законы и всякие новые веяния чужанами воспри-нимаются с древней, мужицкой хитрецой — если закон

У Золотой карги

Опрятный, чисто выбритый рыбак, степенный в движениях, походке и разговоре, по фамилии Утробин, извлек краевую газету и от нечего делать стал читать вслух, бросая усмешливые взгляды на слушателей: "За последние годы многие браконьеры для большей свободы действия стали орудовать по ночам. Это в сильной мере осложнило работу рыбоохраны. Сейчас в борьбу с ними вступили совершенные приборы ночного видения. Вскоре ими будут оснащены все мототеплоходы и катера Енисейрыб- вода, радиус действия этих сложных оптических приборов достигает нескольких километров. Так что если ночной браконьер и уйдет от преследования, то внешний его вид, лицо, одежда, опознавательные знаки на моторке, марка мотора и другие подробности уже будут известны работникам рыбоохраны. А уходят браконьеры довольно часто. Моторы у них обычно сильные, иногда даже по два на лодке. Попробуй догони!"

"Теперь в этих случаях будут выручать приборы ночного видения, -- продолжал читать Утробин, -- а днем фоторужья, которые тоже появились на вооружении рыбоохраны.

С каждым годом увеличиваются и транспортные средства Енисейрыбвода. После ледохода на Енисей и его притоки для несения патрульной службы вышли шестьдесят мощных мототепло- ходов, четырнадцать катеров, тридцать пять моторок и более ста дюралюминиевых лодок.

Весь флот приведен в полную боевую готовность. Врагам природы не будет никакой пощады!"

Командор

Когда-то, какими-то ветрами занесло на Енисей уроженца горного Кавказа, и вот из колена в колено выкукливался или штамповался тот неведомый джигит и шествовал в будущее, стойко сохраняя свой яростный облик. От залетной кавказской птицы, скорее всего от беглого чеченца, приросла веточка к роду Утробиных -- у Командора и другое прозвище есть -- чеченец.

Из-под бровей с постоянным напряжением и вызовом сверкали резкие глаза, но неухоженный курчавый волос, клубящийся на голове Командора, и чуть размазанные губы, видать, от матери доставшиеся чеченцу, вялые и с лицом его не совпадающие, смягчали облик клешнястого, порывистого человека.

Он не говорил, он выкрикивал слова и при этом сек собеседника молнией взгляда, и может, от дикого вида его иль из-за трубки, а то и от должности -- он и на самом деле плавал командиром стотонной совхозной самоходки, вспоминался певец пиратов, флибустьеров и прочей шоблы: "Стоит он высокий, как дуб, нечесаны рыжие баки, и трубку не вырвать из зуб, как кость у голодной собаки!.."

Командор свалился на спину, закинул руки за голову, недвижно уперся взглядом в небо -- гложет Командора горе. Сильный, независимый, он не признавал его, не ждал, не думал о нем, и потому оно обрушилось на него врасплох. Прошлым летом, в эту же пору, в прозрачный и мягкий день Командор вышел на самоловы.

- Умеет ли плакать рыба? Кто ж узнает? Она в воде ходит, и заплачет, так мокра не видно, кричать она не умеет -- это точно! Если б умела, весь Енисей, да что там Енисей, все реки и моря ревмя ревели б.
- Природа, она ловкая, все и всем распределила по делу: кому выть-завывать, кому молча жить и умирать. Поиграет крючочками-пробочками стерлядочка, гоп за бочок -- и в мешочек! Ребятишкам на молочишко, дочке туфли к выпуску.
- Дочка -- слабость Командора. Все лучшее с лица папы позаимствовала: черные лихие брови, кучерявые темные волосы, пронзительно-острые глаза с диковатым отцовским блеском, а от матери -- северную бель тела, крутую шею, алый рот и вальяжную походку. Хар-рашо! Дочь -- это очень хорошо!

- Рыбнадзоровская дюралька шла наискосок от берега. Мотор на ней поношен, стар, но пел нынче ровно, бодро, струил серенький дымок за кормою. Перебрали мотор, подлатали рыбхалеи.
- Командор озабеспокоился -- не близко ль надзорную власть подпустил? "А-а, знай наших! Счас оне увидят фокус-мокус! Счас я им покажу землевращенье!.." Бутылка, которая недопитой осталась за сегодняшний день, -- третья. Утром с соседом пол-литра белой выпили, закрасив ее крепкой заваркой. Так вот за столом сидели чинно-важно, попивали "чаек".
- Пожрать ладом так и не пожрал, чего-то хватанул на ходу, картошек холодных вроде, прихмелел, вот и охватило удальство, захотелось Командору на глазах рыбхалеев допить "Солнцедар"! Запрокинуть голову и, побулькивая горлом, выпятив тощее брюхо, изобразить артиста.
- Однако ж тут не театр, тут тебе такой аплодисмент дадут -- не прочихаешься. Нынешний браконьеришко что сапер на войне. Только и разницы меж сапером и браконьером, что тому медаль дадут, а этому штраф либо срок.

Несется Командор по речному простору, с ветерком несется, душа поет, удалью полнится, тело, слитое с мотором, спружинено, энергией переполнено, кровь кипит от напряжения, нутро будоражится -- смущает его недопитый "Солнцедар".

- Несется Командор по речному простору, с ветерком несется, душа поет, удалью полнится, тело, слитое с мотором, спружинено, энергией переполнено, кровь кипит от напряжения, нутро будоражится -- смущает его недопитый "Солнцедар".
- "Ну ничего, ничего. Потом в честь победы его заглотаем!" Ревут натуженно два мотора на реке, прут лодки в кильватер, со стороны посмотреть -- лихачи вперегонки гоняют.
- Чушанцы обожают этакую забаву. Тонут иной раз, но какое соревнование без риску.

- Командор устремился вниз по течению. Лодка прыгнула на круглой волне, ахнула обвально носом, раскрошила бель полосы в сыпучие брызги. Командор жадно облизнул с губ мокро и, нахально скаля зубы, пошел прямо на дюральку рыбинспекторов.
- Он пронесся так близко, что различил недоумение на лицах преследователей. "Ничего сменщик у Семена, ладно скроен и крепко, как говорится, сшит! Черен, цыганист, лешачьи глазищи в туго налитых мешках глазниц. Да-а, это тебе не хроменький Семен с пробитой черепушкой! С этим врукопашную придется, может, и стреляться не миновать..."
- И только так подумал Командор, сзади бухнуло, нет, сперва воду вспороло рядом с лодкой, потом уж бухнуло. "Стреляют!" -- Командор утянул голову в плечи, тоска, не боязнь, не страх, а вот именно тоска охватила его, сжала чего-то там, внутри, непривычной болью иль тошнотой.

- Уркнул мотор вдогон шедшей дюральки. Снялся с беседки Семен, шатаясь поспешил на корму. -- Сели-запели! Что и требовалось доказать! -- подвел итог своим действиям Командор.
- Сбросив газ, он поднялся с кормовой беседки, приложил руку козырьком ко лбу. Надзорная власть сидела на мели плотно. Поставив мотор на малые обороты, так, чтоб лодку не сносило и вперед она не бегла, Командор потянулся, передернул плечами -- кость застоялась, хрустела.
- Размявшись, он достал из багажника недопитую бутылку, разболтал ее, зычно крикнул: "Будем здоровы, товаришшы!" -- и опорожнил досуха. Бросив бутылку в сторону рыбинспекторской лодки, он еще крикнул: "Двенадцать коп стоит!", и, решив, что такого куража недостаточно, выбрал самую крупную стерлядь, помахал ею, притопывая и напевая: "А-а-ах ты, м-моя дор-рога-а-ая-а, а-а-ах ты, з-зо-ло-та-ая!"
- Торжество быстро его утомило, погоня напряженной была

- Хорошо, просто здорово и необходимо знать человеку, что дома его ждут и любят. Другой раз поздней осенней ночью заявится мокрый, промерзший, как пес, сапоги в сенках снимет, чтоб не бухать по половицам, на тырлах к русской печи крадется, а она, Тайка, из своей комнатушки голос подаст: "Это ты, Командор?" -- "Я, я, спи!" -- "Ну как на вахте?" -- "Порядок на вахте".
- Чем старше становилась дочка, тем реже зверел Командор пьяный, старался при ней не лаяться по-черному и вообще с годами вроде как отмяк душою.
- Жену он заметил еще с реки, возле своей рыбацкой будки. Стояла какая-то вся серая, и не сразу догадался -- в плаще сером она. "Че это она явилась на берег?" -- встревожился Командор и, забыв сбросить газ, со всего хода грохнулся лодкой в берег. Жена медленно, вязко подошла к лодке и, остановившись в отдалении, глухо произнесла:

-- Носишься по реке, голову сломить не можешь...

-- Че? Че ты?

-- Беда у нас. Тайку задавило...

- Дальше он уже ничего не помнил: как выскочил из лодки, как бежал домой, одолев береговой крутик в несколько прыжков. Ребятишки -- сын и дочка -- прятались за баней, в сенках толпился народ, возле кровати стоял старший брат Зиновий. Он отстранился, увидев Командора. Застыл среди горницы Командор, глядя на дочку, лежавшую на чистом покрывале, в измятой, рваной и грязной форме -- вся какая-то скомканная, будто белогрудка-береговушка, из рогатки подшибленная.

-- Дочка! Ты че? Тай! Ты давай, брат, давай!.. -- бодренько воскликнул Командор. -- Я вот приплыл. На вахте... порядок...

- Жена с маху упала на дочку, загребла ее под себя. "Экая копна! Придавила..." -- сморщился Командор. -- Доченька! Скажи что-нибудь! Скажи родителям своим...

- Командор зарычал, отбросил жену, схватил дочку на руки, затряс, забайкал неумело -- он их, маленьких-то ребят, и Тайку тоже, знать не знал, никогда с ними не водился, матерно ругал, если они орали, марались и болели.
- И вот, вытирая мазутной ладонью кровь с лица и шеи Тайки, поднимал ее упавшую птичью головку с косою, болтающуюся вялым, перешиблен- ным пером...
- -- Че делаешь-то? Спятил! -- очурал его старший брат. Отобрав Тайку, он опустил ее твердеющее тело на кровать, сложил покорные руки на груди, незаметно перекрестился, глядя на богатый ковер, выменянный на пароходе за рыбу. -- Совсем олешачились! Возле покойника дикуем...
- -- Кто? Где? -- услышав про покойника, захрипел Командор и бросился в кладовку, выхватил ружье, патронташ. На нем повисли брат, жена, соседи. Всех разбросал. Бегал по поселку, искал погубителя.

- **Нажравшись бормотухи, шофер, вывозивший с берега дрова, уснул за рулем, вылетел на тротуар и сбил двух школьниц, возвращавшихся с утренника.**

- **Шофер спрятался за прудом, в хламных кустах, спал в ожидании милиции и следователя, не чуя оводов, облепивших его рожу.**

- **Не найдя шофера, распалив патроны наудалую, в лес, Командор наладился топиться, бросил с дебаркадера в воду ружье, сапоги, порвал рубаху и прыгнул в Енисей. Едва его вынули -- отбивался. До потери сознания поили водкой, судороги с ним начались, пена ртом пошла -- пал неистовый чеченец, погас, обмяк, сварился. На похоронах не плакал, не голосил, стоял всему покорный и трезвый, в ненадеванном костюме, в модной мятой рубахе, не зная, что делать, куда себя девать.**

- Отходил Командор долго, трудно. В одиночестве и в горе не прильнул к семье, еще больше отдалился от нее, почти ненавидя младших своих ребят за то, что они, постылые, живут на свете, а Тайки нет.
- Дети, чувствуя злобу родителя, на глаза ему старались не попадаться. Девочка, что угодила вместе с Тайкой под машину и осталась жива, хотя и ходила на костыле, тоже избегала встречи с Командором. "Ты-то чего сторожишься?" -- вызывал в себе чувство сострадания к девушке, приветливо кивал ей головою Командор. Однако под спудом сознания давило, грызло: почему конопатая, редкозубая, с наземного цвета волосами девка жива, а Тайка-красавица погибла? Почему? От Тайки радость отцу была. От нее бы и дети здоровые да красивые пошли, от этой что уродится? Сор!

- Так думать нельзя, увещевал себя Командор. Скрутит его за черные такие мысли судьба, покарает, но ничего с собою поделать не мог.
- Неприязнь к людям, злоба на них заполнила все в нем, расползлась болезнью страшнее рака: он делал то, что было в его силах, -- старался как можно реже и меньше бывать на людях, обитал в каюте самоходки, пьяный завывал, мочил слезами портрет дочери, муслил его распухшими губами, когда совхозную самоходку отправляли на зимний отстой, забирался в тайгу, на охоту, срубив на Сыме потайную избушку.

- **У Командора, от роду ничем тяжело не болевшего, начало сдавать сердце, поднялось давление от бессонницы и головные боли раскраивали череп, непомерно тяжело ему стало носить свою душу, словно бы обвисла она и пригнетала Командора к земле, ниже, ниже, того и гляди вывалится, вся обугленная, ударится оземь, провалится в яму, где в кедровом струганом гробу лежит нарядно одетая, в кружевах, в бантах, в лаковых туфельках светлая девочка, не успевшая стать девушкой, -- кровинка, ласточка, ягодка неспелая, загубил ее пропойный забулдыга,**

сухопутный браконьер.

Проблема взаимоотношения природы и человека. Резкое осуждение варварского отношения к природе на примере браконьеров

Игнатьич, Командор, Дамка, Грохотало – браконьеры. В каждом из них мелькает какая-то своя золотинка человеческой любви или человеческого достоинства.

Но всё это подавляется безграничным хищничеством, стремлением урвать лишний кусок.

Командор умен, деятелен, знающ, потому более агрессивен и опасен. Сложность его и в том, что временами он задумывался о своей душе, дочь свою Тайку-красавицу любил до самозабвения и готов был для неё сделать все. Однако браконьерничал Командор профессионально, так как урвать побольше и всюду, где можно, - смысл его жизни. Он верный сын Чуши и живет по законам поселка издавна. Для автора Командор сильный, изворотливый хищник номер один, недостойный сострадания.

- «Клюв», «хищно», «нахально скаля зубы», «стреляться не миновать» - вот главные детали образа Командора.
- И хотя он тоскует по иной доле, мечтает уехать в теплые края и жить спокойно, честно – пусть другого дурака гоняют и стреляют, - любит дочь и по-человечески глубоко страдает, когда её сбила машина, управляемая пьяным шофером, мы испытываем один непреодолимый ужас от целей и смысла Командоровой жизни.
- Ржа бездуховности съела все лучшее, что продолжало слабо теплиться в нем.